

Алексей Курилов

Дискретная когерентность

Алексей Курилов

Дискретная когерентность

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=55338205

SelfPub; 2023

ISBN 978-5-532-98615-2

Аннотация

Мир, в котором живет каждый из нас, всего лишь отражение самого человека и его выбор, каждый его поступок меняет этот мир, иногда до неузнаваемости. Почему кто-то встречается, а кто-то расстается, и какие именно поступки меняют наш мир?

Содержание

Часть 1	4
Глава 1	4
Глава 2	19
Глава 3	37
Глава 4	51
Глава 5	67
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Алексей Курилов

Дискретная когерентность

Часть 1

Глава 1

Вы летали когда-нибудь на самолете? Если да, то вы обязательно когда-то летали первый раз. И этот первый раз был или лучшим или самым ужасным моментом вашей жизни. Что вы помните с того раза? В крайнем случае откуда и куда вы летели, но если в ваш первый полет вы попали в турбулентность, то вы этого не забудете никогда. Вы можете забыть, как это началось, что говорил пилот и как долго это продолжалось. Но ваш организм помнит все, ваше тело помнит то количество адреналина, которое циркулировало по венам заставляя трястись пальцы, стучать сердце и часто дышать. Турбулентность – это не опасно, полет в принципе не опасен, вероятность, что вы погибните в аварии по пути в аэропорт значительно выше, но ощущение тряски и неспособность влиять на ситуацию заставляет человека вспомнить что такое “животный страх”.

Надеюсь, вы вспомнили или хотя бы представили себе,

что это такое, но Леонид этого пока не знал. Ему было всего десять лет, и родители в первый раз везли его с собой в отпуск на море. На море можно было долго ехать на поезде или быстро лететь на самолете. Как бы сильно вы не любили своего ребенка, но находиться несколько дней в маленьком купе рядом постоянно, это даже не испытание, это пытка. Леонид был в меру послушным, умным и пытливым мальчишкой, он мог сидеть целый час с головоломкой разговаривая сам с собой, а мог носиться по коридору не особо отвлекаясь на советы взрослых. В общем это был нормальный среднестатистический пацан, который не всегда слушался, но всегда слушал.

Леонид сидел в аэропорту на сумках рядом с родителями, посадку уже объявили, и они ждали своей очереди.

– Папа, а мы в очереди долго стоять будем?

– Я не знаю, а что ты хотел?

– Мне скучно, можно я побегаю?

– Нет, давай ты лучше посидишь, а то мы можем сдвинуться вперед, и ты нас потеряешь.

– Пап, ну я не далеко, я вот тут буду бегать, до кресел и обратно, можно?

– Хорошо, но не дальше!

Леонид спрятал машинку в карман, это была единственная игрушка, которую разрешили взять с собой в самолет, настоящая волга и даже двери у нее открывались! Он быстро добежал до кресел, всего-то три шага, обратно он пошел

“лилипутами” считая сколько будет шагов до сумок.

– Пап, а наши места не займут?

– Нет, не займут, места написаны в билетах на них никто другой сесть не сможет.

– А зачем тогда мы стоим в очереди? Давай посидим, все пройдут, и мы потом без очереди зайдем?

– Лёня, я же разрешил тебе побегать, хочешь посиди на скамейке. Мы стоим чтобы быстрее сесть в самолет.

– А потом, в самолете, мы будем ждать остальных?

– Конечно, мы же все вместе летим. Но там очень удобные кресла, кнопки есть всякие, столик откидной – увидишь.

– А в кабину можно будет сходить?

– Не уверен, но мы обязательно это спросим.

Очередь двигалась медленно, было жарко и скучно, Леонид измерил шагами все, что было в пределах досягаемости и по мере продвижения очереди измерял все новые и новые горизонты.

Стойка была невысокой, однако Леонид видел только лицо женщины в форме аэрофлота, а если подойти к стойке она была ровно на два пальца ниже его головы. Машинка неприятно врезалась колесами в ногу и несмотря на наличие всего двух рук, одну было решено занять машинкой. Родители подхватили вещи и все дружно двинулись на улицу, где ждал автобус. На улице было тепло, как и в автобусе, как только мы зашли, он тронулся и очень мягко поехал по аэродрому. Вокруг было пустынно, только редкие самолеты величе-

ственно стояли на приколе. Автобус мягко подкатил к самолету и люди ленивым ручьем потекли к трапу. Лёня плелся, держась за руку мамы и смотрел как тени от ног далеко вытягиваются, когда кто-то переступает через ступеньки. И почему можно взять только одну машинку? Вот был бы у меня конструктор, было бы интересней лететь, сейчас бы сел в самолете и собирал бы такой же самолет, только из конструктора

– Ваш билет? – Сказала стюардесса, протягивая руку.

– Скажите, сын очень хотел посмотреть кабину, ему можно будет?

– Ой, я не знаю, я спрошу, вы пока проходите на место.

Самолет уже готовился к взлету в нем было прохладно и пахло кондиционированным воздухом. Мы сели на свои места, родители посадили меня возле окошка, почему-то считается, что смотреть на землю с высоты это очень красиво и интересно, на самом деле пейзаж не очень динамичен и интересно только в самом начале и в самом конце. Самолет потихоньку набивался людьми, и казалось он разбухает как сарделька от всех этих чемоданов, что складывают на полки. Наконец дверь самолета закрыли, а затем гул турбин изменился, двигатели разогнались. Лёня смотрел в окно, ему было видно, как горячий воздух вырываясь из турбины, от чего плиты аэродрома словно плавилась, дрожали и вибрировали.

– Пап, а мы долго будем лететь?

– Часов семь, может чуть больше.

– А что я тогда буду делать? У меня из игрушек только машинка и все.

– Можешь поспать, в окно посмотреть, ты пойми – быстрее никак, самолет это самый быстрый способ добраться туда.

Самолет слегка тряхнуло, и он медленно покатился задом наперед. Тягач выкатывал самолет со стоянки на рулежку, после чего он немного покружил по аэродрому и наконец встал на старт. Турбины натужно взвыли, самолет немного присел и тут же сорвался с тормозов и начал разбег по полосе. Лёня смотрел как замороженный, земля бежала все быстрее и быстрее и в какой-то момент превратилась в гладкое полотно. Прямо под самолетом был серый лист, а по обочине зеленая полоса вместо травы. Когда самолет оторвался Леонид потерял ощущение пространства, вроде он только что смотрел на траву и вдруг это оказались уже деревья, крохотные дома и словно игрушечные машинки. Они становились все мельче и мельче и вот уже самолет пошел на разворот, земля встала прямо перед глазами и можно было отчетливо разглядеть каждый домик. Людей не было видно.

– Пап, а где все люди?

– Как где, там же где и были, просто они стали очень маленькие, настолько мелкие, что ты их не видишь.

– Как микробы?

– Да, именно так, как микробы, они далеко и мелкие и от

этого нам не заметны.

Было странно, что люди превратились в микробов, но на-верно это как самолет становится маленьким, когда летит в воздухе и кажется, что на него можно сесть верхом и отпра-виться куда угодно. А потом появились облака, самолет летел прямо в эти белые, даже издалека мягкие кучи. Как только он подлетел облака куда-то исчезли, вокруг появился туман, по стеклу поползли мелкие капли, а вдоль крыла проноси-лись на бешеной скорости какие-то белые комки, словно по-рванного на лоскуты одеяла. Ветер несся за окном и толь-ко сейчас можно было почувствовать с какой скоростью ле-тит самолет, но вскоре и это закончилось. Самолет выныр-нул прямо под палящее июльское солнце и облака остались внизу.

Леонид смотрел на них сверху, они были похожи на пену в ванне где-то высокие как горы, где-то лишь немного отлича-ющиеся от белесой равнины словно холмики. Через редкие дырки в облаках можно было заметить землю, здания и до-роги исчезли, остались только многоугольники разных цве-тов, нельзя было даже сказать наверняка что это было: луг, поле или город. Леонид достал свою машинку и хотел было положить её на столик, но папа запретил открывать столик, сказав, что сейчас пока еще рано.

– А когда можно будет уже открыть столик и нажимать кнопки?

– Смотри, видишь над тобой есть значок застегнутого

ремня, точно такого же, как сейчас у тебя и у меня? Вот когда этот значок погаснет будет специальный сигнал, это значит, что можно его расстегнуть и откинуть столик.

– Это будет когда мы прилетим?

– Нет, что ты, это будет когда мы наберем высоту. Сейчас самолет летит вот так, – он показал рукой под углом вверх, – а когда мы наберем высоту мы будем лететь ровно. Вот тогда и можно будет делать все это.

– Понятно, а пилоты мне смогут показать кабину?

– Я спросил об этом, но ты понимаешь, они очень заняты и может быть не получится.

– Понимаю, просто очень хотелось посмотреть.

Самолет тем временем поднимался все выше и выше и в какой-то момент турбины изменили тональность, звук стал чуть ниже и ровнее. Буквально сразу после этого раздался сигнал и табло “пристегните ремни” погасло.

– Все, теперь можешь доставать свою машинку и играть.

– А кнопки?

– Ах да, кнопки, смотри – у тебя на ручке кресле есть кнопка с человечком, видишь? Можешь её нажать и к тебе придет стюардесса, ты можешь попросить у нее лимонад или конфетку или может быть у них есть электронные игры.

– А меня не будут ругать?

– Если не будешь нажимать её часто, то не будут.

Лёню разрывало между желанием испытать кнопку и стеснением, поэтому он просто откинул столик и положил на

него свою машинку. Машинка чуть было не скатилась ему в руки, видимо самолет все же набирал высоту потихоньку и нос был задран, тогда он поставил машинку поперек, и она стояла ровно, только чуть-чуть подрагивала, когда самолет попадал в более плотные воздушные потоки. Волга равномерно подрагивала на своих маленьких рессорах, Лёня точно знал, что у нее есть рессоры, потому что разбирал и видел их собственными глазами, это были тонкие проволочки которые прижимали ось колес к днищу, как у настоящей машины.

– Что желаете пить?

Голос стюардессы был приятный и спокойный, видимо она летает не в первый раз и легко переносит полеты. Леонид смотрел на тележку, которую она прикатила по коридору, это было странное сооружение, она была узкая и высокая, в обычной жизни совершенно нелепая форма, которая легко падает и сложно управляется одновременно. Сверху торчало несколько бутылок с минеральной водой и лимонадами, среди них был и его любимый Тархун.

– Я буду Тархун!

– Хорошо, а вы?

– Мне минералку и подскажите, у вас есть плед или покрывало?

– Нет, пледы есть только на международных рейсах.

Лимонад был очень вкусным, наверно самый вкусный из всех, что пробовал Леонид до сих пор. За окном все так же

были облака и далекая земля, пока самолет летел можно было развлекаться только рисованием, машинкой или смотреть в окно. Леонид еще несколько раз нажимал кнопку, один раз он попросил томатный сок и это оказалось действительно очень вкусно, потом минеральную воду, которая, на удивление, оказалась самой обычной. И наконец он решился и позвал стюардессу для самого главного.

– Извините, а можно мне посмотреть кабину пилотов?

– Подожди, я должна спросить у них.

Стюардесса дошла до перегородки и взяла трубку телефона, нажала какую-то кнопку и о чем-то говорила, наверно спрашивала разрешения, после чего улыбнулась и подошла.

– Пилот сказал, что он может показать тебе кабину, если твои мама и папа не против, я могу тебя проводить.

– Папа, пожалуйста, можно я схожу?

– Я считаю, что ты уже взрослый и можешь сам решить для себя это, если ты хочешь, то конечно сходи, посмотри, как выглядит все из кабины самолета.

– Только давай скорее, сейчас будет пролетать встречный самолёт. – Сказала стюардесса, помогая Леониду выбраться в проход.

– Скажите, а это не опасно? – Спросила мама.

– Нет, что вы, он пролетает значительно выше нас и в иллюминаторы его даже видно не будет.

Леонид быстренько отстегнул ремень, почему-то мама попросила его не расстегивать ремень, когда погасло табло, и

выскочил в коридор. Они прошли до самой кабины, там стюардесса постучала в двери и когда они открылись Леонид ахнул от удивления. Вокруг были лампочки и разные приборы, глаза просто разбегались, он старался увидеть их все и сразу, но у него не получалось. Приборы располагались перед пилотами, а рычаги были между ними, лампочки и выключатели были повсюду и даже на потолке. Никакая новогодняя гирлянда не сравнится с этими переливами огней, Леонид чувствовал, что все эти лампочки и выключатели не случайно и не просто так, они все что-то значат, чем-то управляют.

– Тебя как звать?

– Лёня, то есть Леонид!

– Ну привет, Леонид, хочешь быть летчиком?

– Теперь наверно да!

– Ну и отлично, смотри как у нас тут красиво! Видишь вон там впереди яркую точку?

– Да, это что звезда?

– Нет, звезд днем даже тут не видно, надо взлететь еще выше. Это самолет, сейчас он пролетит прямо над нами, смотри на него, это будет очень красиво.

Какое-то время точка не менялась, только стала чуть ярче, потом она стала увеличиваться, у нее появились крылья и в тот момент, когда можно было разобрать, что это самолет он моментально пролетел над ними. Это произошло с такой скоростью, что Леонид не успел даже испугаться, он просто не ожидал, что такие скорости бывают. За самолетом остал-

ся след от его двигателей, две белые полосы, словно облака, скрученные в тугой жгут, тянулись вперед до самого горизонта. Видимо он летел из того города, куда сейчас летели они.

– Ух ты, как быстро!

– А то! Мы сейчас летим со скоростью девятьсот километров в час, и он так же. Так что считай он пролетел мимо нас со скоростью тысяча восемьсот километров в час!

– Ничего себе.

– Даже гонки формулы один разгоняются только до четырехсот, а тут считай в четыре с половиной раза быстрее!

– Здоровски! А пока вы со мной говорите наш самолет не упадет?

– Он на автопилоте, не бойся. Самое главное – это взлететь и приземлится, остальное время самолет может лететь и сам. Мы управляем самолетом только если случается что-то непредвиденное.

– Это когда другой самолет на пути попадается?

– Другой самолет не попадет на пути, за это отвечают специальные люди, диспетчеры, они говорят кто и где должен лететь и следят, чтобы самолеты не сталкивались в воздухе. Но бывают разные воздушные явления, например тучи, и тогда мы берем управление на себя.

Та же самая стюардесса заглянула к пилотам и сказала, что экскурсия на сегодня закончена. Леонид с удовольствием бы смотрел весь полет на эти лампочки и показания приборов,

он так и не разобрался что они показывали, но это завораживало даже если не понимать смысла. Стюардесса провела его обратно, мама уснула на среднем кресле и Лёню перенесли к окну на руках так, чтобы он не разбудил ее. Лёня встал ногами на сиденье и проворно спустил ноги вниз, неудачно пнув стол коленкой, от чего машинка скатилась и упала на пол. Он сложил столик и наклонился, машинки нигде не было видно, тогда он опустил руку и начал шарить по полу. В руку попадались ножки кресел и даже какие-то провода в жесткой оплетке, наконец он нащупал тяжелую металлическую модельку и вытащил её из-под сиденья.

Леонид смотрел на модельку и не понимал, что это, он переложил её в левую руку и опять начал шарить по полу, наконец он ткнул головой в ноги мамы от чего она проснулась.

– Лёнь, что ты там делаешь малыш?

– Машинку ищу.

– А в руке у тебя что?

– Это другая.

– Как это другая, я же просила взять только одну игрушку, а не то растеряешь.

– Я и взял только одну.

– Так, а это тогда что? В руке у тебя?

– Это москвич, и он красный! А я брал черную волгу!

– Но москвич твой?

– Да, мой, но он должен быть дома.

– Ну значит ты перепутал и взял другую машину.

– Лёня, что случилось? – Вмешался папа в разговор, видя, что нужен независимый рефери.

– Я взял из дома черную волгу, сейчас она упала, я наклонился и нашел вот эту машину. А волга, наверно, все еще на полу.

Папа встал с кресла, опустился на четвереньки в проходе и тщательно изучал пространство под сиденьями. Тут были ножки кресел, ноги других пассажиров и мелкие дорожные сумки, но никакой машинки нигде не было видно.

– Лень, тут нет ничего такого, а эта машинка точно не твоя?

– Это точно моя, вот, тут снизу поцарапано, это я два дня назад во дворе гвоздем случайно сделал.

– Как это случайно гвоздем поцарапать можно?

– Он торчал из деревянной горки, а я ехал и не заметил.

– Ну раз это твоя, то ты определенно брал её с собой. Ты же брал одну машинку?

– Да, одну, но не эту, а волгу!

– Лёня, мы в самолете, ты же понимаешь, что машинки не умеют летать тем более так быстро и так далеко, выходит, что ты взял эту машинку. И в аэропорту я помню у тебя красную машинку, а не черную.

Лёня начал сомневаться, на самом деле, когда он толкнул коленом стол он тоже видел что-то красное летящее на пол, просто решил, что это странный отблеск, черный цвет мог отразить солнце за окном или лампочку и приглушить его до

красного. Он еще раз покрутил москвич, проверил багажник и двери, это была определенно его машина, левая дверь открывалась хорошо, а правая заедала, когда закрывал и надо было нажать чтобы она щелкнула и заскочила внутрь. Может быть он и правда спутал, и взял другую машинку? Но тогда почему он был так уверен, что взял волгу, он же специально сидел перед ними и выбирал, между волгой, москвичом и запорожцем. Наверно он выбрал волгу, а когда собирался сунул нечаянно в карман москвич. В любом случае, вид из кабины был впечатляющим и даже такая мелочь, как машинка, не могли испортить впечатления.

Полет был долгим и в какой-то момент Леонид начал клевать носом. Он убрал машинку, от греха подальше, в карман и решил устроиться поудобней в кресле, чтобы поспать. Папа показал ему еще одну кнопку, которая позволяла откинуть спинку назад, от чего кресло становилось более пологим. Лёня отвернулся к окну, свернулся калачиком и уснул.

Проснулся он от того, что его трясло, он открыл глаза и почувствовал, как самолет уходит куда-то вниз, а затем резко обратно. Двигатели натужно выли и за окном было нечто серое и плотное.

– Подними спинку и пристегнись! – сказала мама, как только увидела, что он проснулся.

– А что это?

– Поднимай спинку, это турбулентность.

– Это опасно?

– Нет, но если ты не пристегнулся, то тебя может ударить об потолок или об окно, поэтому садись ровно и не бойся.

– Но мы же не упадем?

– Мы не упадем, турбулентность случается очень часто. Сейчас летчики все исправят.

– Они мне рассказывали, сейчас они выключат автопилот и возьмут управление на себя.

– Да скорее бы уже.

Самолет трясло, все были пристегнуты и многие боялись. Леонид смотрел в окно и видел, они начали набирать высоту, все пролетало мимо крыла с той же бешеной скоростью, но при этом тучи двигались вниз. В какой-то момент они вылетели из тучи, но самолет еще изредка подрагивал.

– Говорит капитан корабля. Мы набрали высоту одиннадцать тысяч метров и продолжаем полет в штатном режиме, просьба не расстегивать ремни и не откидывать спинку кресла, пока не погаснет табло пристегните ремни.

Леонид решил, что лучше будет спать сидя и с ремнем, чтобы точно не ударится о потолок или окно. Он не мог сказать, что сильно испугался, вот когда Никита вытащил огромного паука в банке и предлагал руку к нему засунуть было страшнее, однако с тех пор летать на самолетах он боялся.

Глава 2

Как прекрасно теплым летним днем купаться в море, и даже если по календарю это не лето, а географически море где-то возле экватора, то это все равно теплый летний день. Ведь лето – это не месяц и число, в Австралии и в России лето будет с разных сторон календаря. Лето – это ощущение, это разрешение скакать и прыгать от удовольствия, бегать по песку босиком и не бояться дождей. Когда летом идет дождь, ты можешь быть мокрым насквозь, с тебя будет течь ручьем, а если открыть рот, то можно напиться воды, но нельзя замерзнуть или простыть. Лето – это время, когда невозможно замерзнуть, когда для выхода на улицу нужно одеть только обувь, да и то не обязательно. Летом вся природа буйствует и растет, насекомые копошатся в траве, цветы пахнут со всех лугов и полей, пчелы яростно трудятся, собирая нектар и пряча его в соты. И птицы поют радостные песни от зари до самого заката. Летом хочется бегать и купаться, быть может именно поэтому в странах вечного лета всегда проблема с работой? Там попросту нет желания работать, это какой-то психологический диссонанс, всегда кажется, что раз сегодня такая классная погода – то надо отдыхать, а вот потом, когда погода переменится... Но погода никогда не переменится и это их счастье и проклятие одновременно.

Аня была девчонкой которой больше нравилось играть

с мальчишками, она предпочитала войнушку, догонялки и обожала лазить по деревьям. Куклы у нее, конечно, тоже были, но скорее для красоты и просто, потому что их постоянно дарили. В свои двенадцать лет она уже успела побывать в пионерских лагерях, облазила все деревья во дворе и даже ходила с фонариками в секретный поход в подвал, где они видели настоящую дохлую кошку и целую кучу тараканов, от чего мальчишки испугались и убежали, бросив её одну с фонариком. Она тогда взяла себя в руки и медленно вернулась обратно, после чего еще долго обзывала всех “бояками”, и никто не смел назвать её трусихой. Как и у любого нормального ребенка лето у Ани ассоциировалось с поцарапанными ногами и руками, разбитыми в кровь и уже незаживающими коленками и приключениями каждый день. На прошлой неделе они лазили на крышу кооперативных гаражей неподалеку, особо смысла в этом не было высота гаражей была с пару метров, но это все лучше, чем сидеть дома.

Родители Ани этим летом решили отправиться на море, до моря было чуть больше тысячи километров и было решено отправиться на собственной машине, по пути заехав к бабушке Лиде и тете Агате. Дорога получилась несложной, ехать надо было только днем и старенький жигуль должен был пережить этот марш-бросок без особых хлопот. Собираясь на море начали примерно за неделю до выезда, надо было сложить вещи, проверить, что ничего не забыли, потом отметить в списке что уже положили. Родители Ани очень

любили все планировать поэтому был составлен полный список, в котором были даже зубочистки и носовые платочки, а в углу комнаты выделено специальное место, куда складывались вещи по списку. Брать вещи из этой кучи строго воспрещалось, можно было только добавлять. Аня как-то положила в нее свои любимые шорты и потом даже плакала, но ей не разрешили надеть шорты к Светке на день рождения. Аня тогда очень обиделась и даже решила, что вообще не поедет на это дурацкое море. Но потом, как это и должно быть, настроение изменилось, она опять прыгала от радости и помогала собирать вещи.

В назначенный день все вещи благополучно перенесли и загрузили в машину, от чего осталось совсем немного места на заднем сиденье, однако оно стало похоже на диван, так как в ногах стояли высокие сумки до самого сиденья. Ей были выданы книжка, фляжка с водой и альбом для рисования с карандашами. Дорога предполагалась не сложной, но долгой. Иногда она открывала окошко и высовывала голову на улицу, чтобы ветер трепал её волосы и можно было слушать как он свистит пролетая мимо.

– Аня, а ну залезь обратно, – начала было ругаться мама.

– Да ладно, ну скучно ребенку, три часа уже едем, что ей еще делать

– Пусть рисует, у нее есть и альбом, и набор карандашей в двадцать четыре цвета, у меня в её возрасте если пара карандашей была, то хорошо.

– Мам, ну мне скучно, я уже нарисовала птичку, и нашу машину, и цветочки разные, а на улице ветер так быстро дует, что волосы сами шевелятся.

– Все равно не надо высовываться, особенно далеко, вдруг кто-то мимо проедет и по голове заденет? И выпасть можно! Открой окошко и слушай себе, как ветер дует, чего наружу то вылезать?

Аня надула губы и смотрела как за окном пролетает целая жизнь, а ей даже чуть-чуть поучаствовать в ней не дают, можно подумать тут машин много, за последний час только один автобус на встречу попался, да несколько грузовиков. А до моря еще ехать целых три дня, как представишь себе, это же целая вечность!

Ближе к закату родители, копошась в карте и рассматривая названия улиц пробирались по незнакомому городу. Наконец они нашли дом бабы Лиды, и мама отправилась на разведку.

– Дом вроде тот, я схожу проверю, а вы тут сидите.

– Мам, а почему ты пойдешь?

– Потому что это моя мама и я её давно не видела.

Папа не стал добавлять, что это еще и его теща и что лучше бы и правда маме первой сходить.

– Анюта, а мы можем пока выйти и ноги размять, чего сидеть в машине?

Повторять дважды не пришлось, дверь машины открылась и из нее пулей вылетела Аня, словно пружинка, кото-

рую всю дорогу сдерживал какой-то крючок. На улице было все по-другому, под ногами шуршал гравий, который кончался где-то в траве и не было вытоптаных тропинок. Деревья росли ухоженные, Аня сразу заприметила пару яблонь и решила, что если мама задержится, то можно залезть и сорвать яблок, главное, чтобы тут никто не кричал на нее из-за этого. Двор был небольшой, в углу сидела молодежь, кто-то играл на гитаре, мелодию Аня не знала, но она ей нравилась. Солнце перестало жарить и воздух словно сохранив последние теплые лучики приятно щекотал шею и плечи.

Сделав несколько кругов по двору, Аня вернулась к машине, где неспешно курил её папа, глядя в сторону молодежи и прислушиваясь к гитаре. От машины шел жар, словно от печи, Аня выставила руку и почувствовала, как горячо сейчас под капотом.

– Пап, а машина так сильно нагрелась из-за солнца?

– И из-за солнца тоже, но вообще машина, когда работает всегда греется, у нее же внутри горит бензин.

– А она не сгорает?

– Нет, он горит внутри двигателя, поэтому такой двигатель и называется – “двигатель внутреннего сгорания”.

– А мама скоро вернется?

– Да кто ж её знает, я думаю, что мы правильно приехали и сейчас они немного поговорят и вспомнят про нас.

Словно по волшебству мама выглянула в окно и помахала рукой.

– Юра! Поднимайтесь!

– Ну вот, давай, я заберу сумку для бабушки и пойдем.

Сказав это, папа бросил окурок и затоптал его носком ботинка, гравий не очень способствовал процессу, от чего табак остался тлеть между камней с тонкой струйкой дыма. У бабушки пахло стариной, трудно сказать, что именно создает этот запах, быть может это древняя пыль, а может быть вещи, которым под сотню лет, но как только Аня зашла, она сразу почувствовала этот запах. Ей нравилось у бабушки, тут был старинный сервант с хрустальным лебедем и старым чайным фарфором. На столе в корзинке были яблоки и груши запах от которых чувствовался во всей квартире.

– Какая ты уже большая стала Аня! А ну ка иди ко мне, я тебя обниму...

– Бабушка, ну не надо, – сопротивлялась Аня, хоть и понимала, что надо один раз дать себя обнять и тогда вопрос будет закрыт до самого отъезда.

– Ты наверно отличница в школе?

– Да уж, отличница, – иронично заметил папа. – Ну, зато никто не обижает, да Ань?

– Ой пап, ну что вот ты начинаешь?

– А потому что я не ожидал, что меня к директору вызовут из-за дочери, которая бьет мальчиков.

– Я их не била, мы играли.

– Ну да, играли, только родители мальчиков это почему-то не понравилось.

– Значит боевая у нас Анюта, ничего, это тоже хорошо! Первыми лезть не будут. Там на кухне есть корзинка в ней конфетки, иди набег сделай, пока мы тут будем с вещами разбираться.

– Лидия Андреевна, зря вы её балуете.

– Так ежели не я, то кто? Зачем тогда вообще бабушки нужны?

Ане нравились конфеты, это были настоящие трюфели, родители считали, что от сладкого болят зубы и поэтому дома конфеты были редкостью.

Так как приехали они к закату, то осталось времени только поужинать, попить чаю и пора было уже ложиться. Ночевать пришлось на полу, на матрасах, было удобно, можно не бояться, что ночью упадешь с кровати.

Утром они быстро собрались и выехали с рассветом, Ане понравилось у бабушки, она смотрела на её дом еще долго, пока он не скрылся из виду. Дальше дорога была лучше, видимо асфальт недавно поменяли, и машина плавно катила по полосе. Попуток стало попадаться больше, тетя Агата жила совсем близко к морю, Ане даже показалось, что воздух начал пахнуть солью. По пути они заехали поесть шашлык где-то в придорожном кафе и казалось, что это был самый вкусный шашлык, который только довелось попробовать. Конечно, все были голодные, однако шашлык и правда был не плох. Это была не свинина и не, упаси боже, говя-

дина, это был свежий ягненок, которого правильно замариновали вчера вечером и сегодня шашлык уже набрал вкуса приправ из маринада. Шашлык был нежным и мягким, при этом он не разваливался во рту в кашу и чувствовались волокна мяса. Аня снимала жирные куски на тарелку, а папа с удовольствием их забирал себе. Это только в детстве кажется, что жир – это не вкусно, с возрастом наш организм начинает разбираться, где больше калорий и требует жирную пищу. Но жирный шашлык можно есть только в горячем виде, только так это вкусно и приятно, в холодном же виде жир не съедобен. Есть правда исключение, это соленое или копченое сало, которое приятнее на вкус именно в холодном виде.

К тете Агате приехали ближе к вечеру. У нее было два сына, и Аня сразу убежала с ними играть. Они жили в своем доме с маленьким садиком, где росло всего понемногу. Дорога была долгой, и родители предупредили, что сегодня стоит лечь пораньше. Однако Аня заигралась с ребятами, а у Агаты оказалось очень вкусное домашнее вино, с которым приятно сидеть вечерами и отдыхать, обсуждая последние новости. Когда уже стемнело, детвору гурьбой загнали в дом и уложили спать, в доме не было проблем с кроватями, поэтому Ане досталась целая комната. Ночью окна были открыты нараспашку и прохладный ветер гулял по спальне. Аня укуталась в одеяло и моментально уснула.

До моря добрались без приключений и первым делом, как

только оставили вещи в гостинице отправились купаться. Вода была прохладная, однако если зайти и немного подождать, то казалось, что она стала теплой и можно было купаться сколько влезет. Периодически мама или папа выгоняли Аню из воды погреться на солнце, говоря, что губы уже стали синие. Однако, как только организм прогрелся, она убегала обратно. Однажды на море был шторм, не сказать, что прям сильный, но маленький матрац, который купили родители, превратился в детскую доску для сёрфинга. Аня заплывала в море, а затем вместе с волной неслась на берег, самое неприятное было где-то посередине пути, когда волна накрывала сверху и можно было кувыркнуться и приложиться головой по дну, в этот момент самое главное было оставаться в вертикальном положении, тогда вода выталкивала матрац вверх и можно было спокойно доплыть до берега с остатками волны.

В один из таких кувырок Аню все же перевернуло и ударив о дно сильно царапнуло по щеке и по лбу, она почувствовала, как резко обожгло кожу и постаралась вынырнуть, чтобы посмотреть, что с лицом. Вокруг все кружилось и пенилось и было не понятно где верх, а где низ, в это же время она открыла глаза и увидела темные разводы в воде, она вынырнула на секунду из воды, провела рукой и увидела кровь, тут же волной её сбilo с ног и закрутило, а затем потянуло на глубину. Аня не знала, что такое отбойное течение и начала грести к берегу что есть силы. Ей стало страшно, она не

видела маму и папу и не понимала, где кончается вода, каждый раз, когда она выглядывала на поверхность она видела, как берег отдаляется от нее. В какой-то момент она устала и перестала двигаться, её подхватило течение и понесло в сторону, дальше от берега она внезапно почувствовала, что она на поверхности, а рука крепко держится за тот самый надувной матрас.

Аня обессилено затянула себя руками сверху на матрас и начала грести к берегу. Волны стали спокойней и ей не составило труда выплыть на берег, Однако родителей не было видно, Аня стояла и думала, куда могло отнести её вдоль берега? В те короткие моменты, когда она выныривала она с трудом различала, где берег, не то, что определить направление течения. Очень ярко светило солнце, хотя, когда начинался шторм солнца не было вовсе, она приложила ладонь козырьком и изучала местность. Люди-люди-люди, все такие разные и одновременно такие одинаковые, как же я найду теперь маму и папу? Комок подкатил к горлу, она вдруг почувствовала, что потерялась, по-настоящему потерялась и заплакала. Тут же вспомнила, что только что ударилась и у нее идет кровь, провела рукой по щеке и лбу и удивленно заметила, что крови нет, видимо ей попались водоросли в руку и она зря испугалась, от этой мысли стало немного легче.

Вдруг, возле самого выхода с пляжа она заметила холодильник с мороженым, утром они покупали там мороженое и потом пошли к морю. Точно вот там мы купили морожен-

ное, потом пошли прямо к морю, вот там красивый канат, привязанный к коряге, потом мы повернули налево и пошли еще немного. Она заметила родителей, мама стояла возле полотенца и смотрела в сторону моря, а папа бегал вдоль берега и кричал в море, видимо звал ее, но из-за шума моря ничего не было слышно. Она обрадовалась и разрыдалась понимая, как близко она была к тому, чтобы потеряться. Вся в слезах и соплях рыдая, она мчалась на встречу к маме, матрас бил её по ноге и мешал ей бежать быстрее, но бросить его она не могла, он её спас.

– Анечка, золотце, что случилось? – Запричитала мама, как только увидела рыдающее дитя, несущееся к ней.

– Я потерялась! Я утонула, а потом потерялась.

– Как так утонула, у тебя что-то болит? – Быстро ощупывая руками и пытаясь разобраться не сломаны ли кости мама потрогала все ноги и руки.

– Нет ничего не болит. Раньше болело, но сейчас нет. – Все еще всхлипывая и заикаясь от плача говорила Аня.

– Где болело, о чем ты? – Спросил папа, он вернулся обратно, заметив, что Аня уже рыдает на руках и потихоньку успокаивается.

– Я заплыла и хотела на матрасе обратно прокатиться, а потом волна и меня перевернуло, я ударилась о дно лбом и щекой, было очень больно, потом я вынырнула и увидела кровь.

– Как ты увидела кровь на лбу?

– Я рукой провела, на руке кровь была, а потом я плыла к берегу, а меня водой обратно тянуло, и я никак не могла выплыть, а потом я оказалась рядом с матрасом, залезла на него и опять поплыла к берегу.

– погоди, а почему ты перевернулась на матрасе и ударилась?

– Ну как же, волны же огромные были, когда мы пришли и я пошла на них кататься.

– Анюта, какие волны? Солнце палило нещадно, мама просила тебя в панамке купаться, чтобы солнечный удар не схватить, кстати, где твоя панамка?

– Я её не брала, – искренне удивилась Аня и посмотрела вокруг, её любимой панамки с микки Маусом нигде не было видно. Наверно я её одела.

– Не одела, а надела. То есть ты не помнишь была у тебя панамка или нет?

– Не помню, но это не важно, а потом я вышла на берег и потерялась, я не видела, где вы и куда идти. А потом я увидела мороженое, точнее холодильник, где утром брали мороженое и вспомнила как мы шли и нашла вас.

– В общем я думаю дело было так, ты опять загорала на своем матрасе и скорее всего у тебя был солнечный удар, а когда ты сползла или как-то скатилась в холодную воду, то пришла в себя.

– Нет, я тонула, я точно помню это!

– Ну наверно да, когда ты упала в воду ты могла глотнуть

немного воды.

– А кровь?

– Вот именно, а кровь?

Папа достал мамино зеркало из сумки и показал отражение Ани, на лбу, на щеке, на шее, да и вообще нигде в поле зрения не было ни малейшей царапины. Но Аня же помнит, как саднило кожу и как жгло от соленой воды, она закрыла глаза и вспомнила как это было, приложила руку и открыла глаза. Под рукой ничего не было, обычная, пока еще бледная, гладкая кожа. Ну не могло же ей все это присниться из-за солнечного удара? Впрочем, почему не могло, где это видано, что бы вода текла от берега в море?

– Пап, мне было очень страшно, я правда тонула.

– Ань, ты сказала, что были волны, но их нет, посмотри! И мы действительно сегодня утром покупали мороженое, потому что было очень жарко и ярко светило солнце.

– Мороженое было, я так и сказала.

– Вот, а если есть солнце, то откуда волны? Должен быть ветер и пасмурно.

Аня задумалась, а ведь и правда, когда она разворачивала обертку от мороженого светило яркое солнце. Она видела, как её тень тоже разворачивает мороженое, и еще подумала вот было бы здорово взять еще одно мороженое у тени, но тень была на песке, и она тут же передумала, потому что мороженое с песком – это не вкусно.

– Да, когда брали мороженое было солнце.

– Вот видишь? Не переживай, солнечный удар – это неприятно, но не смертельно. Просто в следующий раз обязательно надевай панамку, договорились?

После этого они еще часто ходили на пляж загорать и купаться, было много разных приключений, однажды неподалеку от берега встал на якорь огромный корабль. Он был такой огромный, что поначалу показалось, что это просто какой-то остров, только потом стало понятно, что это настоящий корабль. А еще они брали экскурсию на катере и отплыв от берега им встретились дельфины, они прыгали рядом с катером и позади него, было сложно представить, что они так легко развивают такую огромную скорость. На море было хорошо, можно было лопать вареную кукурузу, что продавали на пляже бродячие торговцы, вечерами гулять вдоль берега и слушать как поют цикады. Утром на завтрак всегда был свежий апельсиновый сок и если в начале поездки это было просто наслаждение, то ближе к концу поездки он стал кислым до ужаса, но пить его приходилось, так как мама считала его полезным.

Аня в последующие дни после того странного происшествия ходила купаться, она несколько опасалась, но это быстро прошло. Погода стала более солнечной, лишь под конец второй недели под вечер пошел ливень, но он закончился так же внезапно, как и начался. Было тепло и весело и море Аняте очень понравилось, она даже подружилась с мальчи-

ком они бегали по пляжу и собирали ракушки, нашли даже несколько завитушек которые были очень ценными. А еще он научил её кидать камни лягушкой, но родители были против, утверждая, что так можно нечаянно попасть кому-нибудь по голове. Это было самое необычное лето из тех, что приключились с Аней.

На обратной дороге они заехали опять к тете Агате, и она хвасталась и рассказывала, как они провели время на море. её сыновья часто бывали на море, однако этим летом им было суждено сидеть дома и поэтому они с радостью слушали рассказы Ани весь вечер. Оттуда они выехали очень рано утром, было еще темно и скорее даже это была еще ночь.

– Пап, а почему мы так рано выезжаем?

– Потому что мы сегодня же вечером или чуть-чуть завтра ночью уже будем дома.

– То есть на обратном пути мы не поедem к бабе Лиде?

Папа посмотрел на Аню и тихонько сказал

– Нет, Анют, мы заезжали по пути туда просто потому, что она умерла, и так принято, надо было заехать и проститься.

– Как это умерла? – Аня не верила своим ушам

– Ну так, понимаешь, люди они так устроены, что они рождаются, потом живут, сначала учатся сами, потом учат других, а потом умирают.

– Пап, но мы же заезжали по пути туда.

– Да, я помню, ты громко не говори, это была мамина мама, ей тяжело это пока.

– Но пап, она же была жива?

– Ну конечно, когда-то она была жива. Ань, тебе же уже двенадцать лет, что именно тебя удивляет?

– Когда мы заезжали по пути туда, баба Лида была жива! Она еще меня конфетами угощала, трюфелями, я помню!

– Ань, бабы Лиды уже не было, а конфеты были, это называется поминки.

– Да нет же, там еще на гитаре во дворе играли!

– Такие подробности я не помню, все, мама идет, в общем обратно мы едем прямо домой.

Аня чувствовала себя обманутой, ей не верили! Она говорила чистую правду, а ей не верили! Это как в детстве, еще в детском саду, когда она рассказала, что не бывает температуры минус пятьсот градусов, так как это ниже абсолютно нуля, она сама не очень понимала, что такое абсолютный ноль, но вот число минус двести семьдесят три она запомнила очень точно и знала, что меньше быть никак не может. Но дети и даже воспитательница утверждали, что бывает и миллион градусов как плюс, так и минус. Она тогда чувствовала себя точно так же, хотелось плакать от бессилия от того, что ей не верят! И самое плохое, она не знала, как это доказать. У нее в памяти стали всплывать воспоминания, как они приехали к бабе Лиде, щебень во дворе, который хрустел под ногами. Как они спали прямо на полу, и запах яблок. Она вдруг вспомнила, что они взяли яблок с собой и она ела их по дороге, а потом они передали яблоки и конфеты тете Агате, а

та дала их своим детям и они о чем-то долго разговаривали с родителями перед сном, когда пили вино.

С возрастом она смирилась с тем, что бабы Лиды и правда не было и ей это просто показалось. Все события укладывались именно так, как рассказывали взрослые, кроме одного, она помнила как её называли отличницей, а папа зачем-то рассказал про тот дурацкий случай, когда его вызвали к директору. Кому он это рассказывал? Быть может это был кто-то другой, кто тоже пришел на похороны? События этой поездки стерлись со временем памятью и остались только осколки воспоминаний. Она могла легко вспомнить запах эвкалипта, который стоял в городе и вместе с запахом коша начинала пылать как тогда, когда она загорала каждый день. Еще она могла вспомнить вкус соленой воды, это ж надо было первым делом опустить палец в море и облизать его? Она казалась горькой и соленой одновременно, хотя потом она убедилась, что она просто соленая. Но с тех пор она очень сильно боялась воды и могла купаться только в неглубоком бассейне или возле самого берега, она не помнила как тонула, точнее для нее это стали просто слова, без эмоций, но в воду она больше так и не заходила, если глубина была хотя бы по плечи. Она не могла объяснить, чего она боится, она умела плавать, могла лежать на воде и понимала, что утонуть ей будет очень сложно, но страх был сильнее. Заходя в воду, она всегда аккуратно прошупывала дно, ступая медленно и только убедившись, что глубина небольшая она расслаблялась и

могла позволить себе окунуться в воду. Даже в старших классах, когда они собирались на озере и устраивали пикники она никогда не ходила купаться, впрочем, это не мешало ей надевать купальник и загорать наравне со всеми.

Глава 3

Леонид, как и полагается мальчикам, школу скорее “проскочил”, чем прошел. Больше всего ему нравилась химия и физика, разбираться в процессах это было его, он чувствовал это. Ему нравилось все самое новое, первая проблема в которую он уткнулся была квантовая механика. Вся жизнь Леонида разделилась на до и после, до квантовой механики все было просто и понятно, есть молекула, в зависимости от температуры она дергается, внутри она состоит из атомов, которые связаны друг с другом некой силой, у атомов есть ядра и вокруг летают электрончики. А потом пришла квантовая механика и все стало странно. Оказывается молекула, если на нее никто не смотрит, может быть вообще волной, внутри молекулы есть атомы которые вроде как связаны, но на самом деле нет и все это никуда не дергается и не прыгает, оно как бы существует в определенном объеме одновременно повсюду, то есть молекулы как таковой нет, но она может оказаться как только ткнут палкой в то место, где она могла бы быть. Бред, но внутри атома все еще хуже, электроны не летают, они присутствуют таким равномерно размазанным облаком вокруг ядра. А ядро – это не склеенные протоны и нейтроны, это некая точка в пространстве вокруг которой существует равная вероятность нахождения протонов и нейтронов. Сколько бы раз Лёня не читал книги по квантовой

механике он не понимал ее, он понимал отдельные части, но в кучу они не собирались никак, как говорится: “Угадал все буквы, но не смог назвать слово.”

Он удачно принимал участие в олимпиадах по физике и это позволило ему поступить в институт практически без экзаменов, но в институте до него дошла волна “современности”, пришлось изучать базовые основы, которые были очень далеки от всего, что ему нравилось. Было дико скучно, приходилось зубрить никому ненужные определения, смысл которых терялся во время зубрежки. Было нудно и скучно, однако он понимал, что это необходимость и ему как-то надо прожить это время, желательно, конечно, еще и чему-то научиться, но это уже опционально.

Утром, Леонид открыл глаза, посмотрел на безумно громкий будильник строгим взглядом и понял, что он сегодня идет ко второй паре, наверно, если не передумает.

– Леонид, просыпайся, солнце!

– Кто здесь? – Лёня уже знал ответ, это была Светка, они вчера вместе были на дне рождения и потом отправились к нему. Что было потом он не помнил, но раз Света еще тут, все было нормально.

– Алкаш, вставай давай! – Наиграно грозным голосом крикнула Света из кухни.

– Как это резко контрастирует с солнцем...

– А ты не делай вид, что ничего не помнишь и будет тебе и солнце, и кофе в постель.

Светка зашла в комнату в одной футболке – в его футболке. Длинные и ровные ноги смотрелись очень выигрышно при одежде такой длины, в руках было две кружки которые дымились и пахли кофе.

– М! Ты сварила нам кофе?

– А то! Что ж ты думаешь, я так просто на кухне торчала.

– Чем будем завтракать?

– У тебя в холодильнике я нашла кетчуп, два сухих огурца и что-то синего цвета, видимо лимон. Ты будешь сушеные огурцы с кетчупом?

– А их вообще едят?

– Ты мне скажи, это твой холодильник, я-то такое впервые вижу.

Кофе был на удивление хорош, он пах как кофе и на вкус был как кофе, Леонид чувствовал яркий вкус и что-то еще. Что именно он понять не мог, но было вкусно.

– Ты что-то добавила в кофе?

– Конечно! Свою любовь и душу... И маленький кусочек шоколадки, у тебя валялась надкусанная.

– Точно, шоколад, это ты молодец, это ты классно придумала.

– Это не я, это давно придумали. Ну что? Ты все еще собираешься ко второй паре?

Леонид только сейчас заметил, что все вещи, которые они вчера сняли так и валялись на полу, он залпом допил кофе и посмотрел на Свету.

– А у тебя под майкой что?

– Ничего, поэтому я и спрашивала какие у тебя планы?

Леонид забрал кружку кофе и поставил её на пол, завалил на себя Светку и сразу вспомнил, что было вчера. Футболка быстро улетела к другой одежде и, если бы не сушеные огурцы можно было бы не выходить никуда и намного дольше.

На улице было хорошо и тепло, была поздняя весна, самое приятное время года для природы и самое адовое время для студента. Сессия больше не грозила дальним огонечком, это был пожар, и он гнался за всеми студентами, а те, у кого были хвосты начинали даже гореть и чувствовать не только тяжелое дыхание огня позади, но и запах паленого хвоста. Леонид со школьных времен привык разделять предметы на “это интересно” и “придется вы зубрить”. При этом первая часть предметов залетала сама, не надо было даже напрягаться с учебниками, а вторая часть не помещалась в голову как бы её туда не запихивали. Был проверенный метод, надо было за три дня перед экзаменом начать зубрить материал, зубрить все, что могли спросить по билетам, а вопросы как правило были известны к этому времени. Не обязательно учить много, достаточно было выучить ключевые моменты, фамилии, какие-то фразы или даты, остальное была вода. Воду лить Леонид не любил, но умел, на экзамене он готов был поступиться своими принципами и налить столько воды, сколько влезет.

Первым был несложный экзамен по физике, ему это нравилось еще со школы, в билетах не было ничего сложного, поэтому к подготовке он отнесся с легкой иронией. Конечно, он не мог утверждать, что знает больше, чем преподаватели, но в некоторых областях он мог с легкостью поспорить с ними на равных. Он пролистал учебник и конспекты, ничего нового не нашел и поэтому с чистой совестью лег спать в ночь перед экзаменом. Давно известное правило, что учить что-то в ночь перед самым экзаменом бесполезно, знания не удержатся, а напряжение возрастет.

На экзамен Леонид предпочитал никогда не опаздывать и даже приходил заранее, чтобы можно было занять очередь не в первых рядах, но и не последним. Народу у аудитории уже собралось порядком, он протолкался к списку и записал себя двадцать пятым, узнал, что экзамен еще не начался и решил повторить шпаргалки – краткие тезисные записи, дававшие почву для размышлений ему одному и бесполезные для всего остального потока. Сидеть возле аудитории он не видел никакого смысла, поэтому отловил в суматохе пятерых кто идет перед ним по списку и попросил написать ему в телефон, как только они пойдут на экзамен. Рисковать ему не хотелось поэтому он записал себе список и отправился в кафе на первом этаже, где народу было заметно меньше, а кофе по студенческим меркам был съедобный.

– Привет, чего это ты, экзамен что ли?

Это был его знакомый, Антоха, он поступил в институт

на год раньше, Леонид в тот год поступал на врача, как советовали родители, но еще на первом курсе осознал, что родители это хорошо, но семь лет медицины он не вынесет и бросил примерно через пол года. Как это ни странно, но он не ушел во все тяжкие, а добросовестно готовился к поступлению в физтех.

– Привет, да, сегодня физика, а ты чего тут?

– У меня зачет, пересдача сопромата сегодня, жду пока препод придет.

– А чего тут, а не в аудитории?

– Сказали он первым делом сюда, а уже потом к себе, я решил его по пути перехватить, можетбыть получится договорится.

– Не учил?

– Это же сопромат, учил, но что толку то? Как сам? Мандражируешь?

– Да нет, спокойно все, я же физику со школы люблю.

– Ну да, я помню на олимпиадах тебя, ты тогда в восьмом классе порвал всех в городе.

– Да, в тот год удачно вышло, моя тема реферата на олимпиаде выстрелила.

Антон не обманули, и преподаватель зашел первым делом именно в кафе, Антон сразу оживился и решался подойти.

– Молодой человек, не могу сказать, что рад вас видеть, но я так полагаю вы тут по мою душу? – Преподаватель не стал

ходить вокруг да около и сделал предупредительный выстрел в голову.

– Да, Федор Алексеевич, мне бы зачет вам пересдать, а то сессия на носу, а у меня хвост висит.

– Хвост говоришь висит? Это ты зря! Хвост надо держать пистолетом, ладно, не буду тебя сильно мучать, расскажи теорему о взаимности работ.

– Ну это, сейчас, – Антон закрыл глаза и монотонным голосом выпалил явно заученную фразу. – Возможная работа сил первого состояния на соответствующих перемещениях, вызванных силами второго состояния, равна возможной работе сил второго состояния на соответствующих перемещениях, вызванных силами первого состояния

– Заучил, а смысл то понял?

– Вроде понял.

– Вроде? Ну давай зачетку, к экзамену постарайся без “вроде”.

Преподаватель поставил зачет и вернул изрядно потрепанную зачетку обратно. Антон воссиял и моментально скрылся из виду. А Леонид остался читать свои шпаргалки. Кофе кончился и одновременно с этим ему пришло сообщение:

– Я захожу, – сообщение было коротким, но контакт все еще был в сети.

– Не пуха.

– К черту, – вот теперь контакт вышел. Видимо ждал этого

пожелания.

Лёня сверился со списком, это был последний пятый, а значит его очередь следующая. Это было более чем неожиданно, он рассчитывал, что двадцать четыре человека пройдет часа за три, ну может быть два. Интересно, по сколько человек они их запускают по пять, по десять? В любом случае пора бежать, потому что времени у него ровно один ответ, а надо еще и подняться на шестой этаж. У лифта уже собралось человек пять. И как только лифт приехал, все дружно зашли в него. Леонид удачно оказался около кнопок, заметил, что горит только его шестой и восьмой этаж, а в лифте только первый курс и возражать скорее всего никто не будет.

– Ну что, может экспресс? – Предложил Леонид.

– Это как это? – Спросил кто-то из толпы.

– Сейчас увидите.

Леонид развернулся к кнопкам и приготовился. Один палец лежал на кнопке “отмена” другой на цифре шесть. Как только лифт пытался остановиться, чтобы принять на борт новых пассажиров, он быстро нажимал отмену и сразу кнопку этажа, от чего лифт притормаживал на этаже и тут же отправлялся дальше, не открывая дверей. Это и был экспресс, он сам увидел такое впервые на первом курсе и сразу же запомнил этот прием. Знающие люди начинали стучать в двери с той стороны и ругаться, но сделать ничего не могли, ну не побегут же они вверх, выискивая, где именно остановится экспресс, а узнать кто в лифте не было никакой возмож-

ности.

Добравшись до своей аудитории, он первым делом проверил список и убедившись, что после него никто не заходил встал у самой двери.

– Лёнь, ты следующий? – Спросил Мишка, парень очень неглупый, но раздолбай редкостный.

– Согласно списку, сразу говорю, меняться не буду.

– Да нет, тебе шпоры нужны?

– Больше нет, но они тебе не помогут.

– Да мне бы хоть что-то, я все билеты выучил вроде как, но всякие даты и фамилии вылетают постоянно.

– Хорошо, держи, – с этими словами он передал свои шпаргалки, последний, и, по сути, единственный источник знаний, который у него был сегодня.

И вот тут Леонида, как говорится, накрыло. Дыхание вдруг сбилось, руки начали трястись, а ноги стали ватными. Ему вдруг стало страшно, а что, если он забудет что-то вот вылетит у него из головы постоянная Планка или еще название протонов и нейтронов путать начнет, что делать будет? Он закрыл глаза и заставил себя медленно вдохнуть, досчитать до десяти и также медленно выдохнуть, он знал, что лучший способ справиться с панической атакой это недостаток кислорода, он повторил упражнение еще несколько раз и вроде как пришел в себя. Ну что за паника, все нормально, это не олимпиада, сколько понадобится времени, столько и буду писать, не проблема же совершенно. Чего я разволно-

вался на пустом месте? Соберись, тряпка!

– Следующий!

Лёня открыл двери и вошел в аудиторию. Его всегда удивлял перепад температур между аудиторией с экзаменом и коридором, при этом иногда в коридоре царила духота и жара, а в аудитории приятная прохлада, иногда все было в точности наоборот. В кабинете перед преподавателями сидела Наташка и пыталась ответить на последний третий вопрос, она явно плавала в нем, и преподаватели задавали дополнительные вопросы. Лёня почувствовал, как вопросы кирпичами бьют по, и без того, мертвому материалу.

– Тяните билет, молодой человек.

– Билет номер пятнадцать.

– Хорошо, а фамилия ваша?

– Береговой, как космонавт.

– Поздравляю вас, Береговой, зачетку оставьте на столе, берите листок и можете идти готовиться. На всякий случай напоминаю, что пользоваться любыми материалами запрещено, калькуляторы есть на столах, если он вам необходим.

Преподаватель сделал пометку, а Леонид пробежал глазами по вопросам, все было хорошо, три из трех, ему повезло и даже “плавающих” тем в этот раз не попалось. Он не стал заранее радоваться и взяв себя в руки быстренько отправился записывать все, что начало всплывать в голове по вопросам.

К моменту, когда наступило время ответа он уже не знал, что делать, листок был исписан убористым почерком и про-

читан несколько раз. Выжимки хватало на пять минут рассказа, а значит в разговоре можно было лить воду, ходить в стороны и наговорить минут на двадцать, если понадобится. Леонид тыкал в калькулятор просто от скуки, чтобы было чем себя занять.

– Леонид, если вы готовы, то прошу, можете отвечать.

– Да, если никто не против.

В аудитории стояла тишина и Леонид отправился сдаваться. Иногда, когда экзамен совершенно чужой, это воспринимается как поход на плаху или на расстрел к стенке, сейчас это воспринималось как выход пулеметчика перед пехотой. Ну сейчас я вам покажу, как Наташку обижать – решил Леонид. Первые два вопроса он отстрелял на отлично, поток его мысли два раза прерывали, а он старался договорить смысловой сегмент, чтобы не оставлять незакрытый гештальт.

– Отлично, Леонид, мы уже поняли, что вы знаете этот материал, давайте переходите к третьему вопросу.

– Третий вопрос – статистическое описание равновесных состояний.

– Хороший вопрос, давайте только не долго, расскажите тезисно, что это кто открыл или доказал и хватит. Мы уже убедились, что физика вам близка.

Леонид и не стремился затягивать поэтому быстро рассказал про термодинамическое равновесие, про земную атмосферу и подошел к теме распределения.

– Формула была впервые получена Гауссом в одна тыся-

ча восемьсот шестидесятом году, распределение Гаусса было использовано французским физиком Жаном Батистом Перреном при экспериментальном определении постоянной Гаусса и постоянной Авогадро.

– Стоп, стоп, стоп.

Леонид похолодел, он явно где-то ошибся, но где? Дата? Или это был не Перрен?

– Простите, я мог немного ошибиться с датой, но это точно были шестидесятые года девятнадцатого века.

– Да это по сути и не важно, вы немного в другом ошиблись...

Преподаватель смотрел на него и не мог подсказать в чем именно он ошибся, но он словно ждал, что Леонид сам поймет. Видимо ошибка была очень глупой и очевидной, но где?

– С постоянной Авогадро вы сказали все правильно.

– Это был не Жан Батист?

– Отнюдь, тут вы тоже правильно все указали.

– Тогда я не понимаю, простите.

– Больцмана.

Леонид не понимал, о чем ему сейчас говорят. При чем тут Больцман, он же астроном?

– Распределение Больцмана и соответственно постоянная тоже Больцмана. Гаусс жил примерно в то же время и да, есть распределение Гаусса, поэтому я допускаю, что вы могли просто спутать – экзамен, стресс. Господа экзаменаторы, если возражений нет, то я предлагаю засчитать ответ пра-

вильным, так как на лицо явная оговорка.

Все закивали головами, а Леонид бледный как лист бумаги смотрел и не мог поверить, как он мог так перепутать. Но ведь он явно помнил, что Больцман физик математик и астроном и его распределение касалось небесных тел, он был в этом уверен именно поэтому его распределение использовалось в преобразовании Фурье. Само собой спорить он не стал, экзамен был сдан на пять, и он просто тихонько попросился и вышел за дверь.

– Ну как?

– Бред какой-то, скажи распределение Больцмана или Гаусса?

– Оба есть, ты про что сейчас?

– Про равновесные состояния.

– А черт его знает, но если ты про нормальное распределение, то это Гаусс.

– Спасибо, а ты не видел Мишку?

– Так он же там, – пальцем указывая на дверь сказал Сергей. – Ты чего, не заметил?

– Да, заметил, я просто подумал...

А черт его знает, что я подумал, может надеялся, что это мне показалось, что память играет какую-то глупую шутку? Леонид достал телефон и набрал два запроса по очереди, сначала про Больцмана, а затем про Гаусса. Странно, но все ресурсы были согласны с преподавателем. Спишем это на стресс, допустим я просто перенервничал и все. Или это все-

ленский заговор, но тогда они не могли добраться до моих друзей и уж точно не добрались бы до моих шпор.

В этот момент двери открылись и вышел тот самый Миша, красный как рак.

– Миш, ты чего?

– Меня с твоими шпорами спалили, ты там нигде свою фамилию не писал?

– Нет, че я дурак что ли, шпоры подписывать?

– В общем они там остались.

– Дело дрянь. Сам то как?

– Сказали пересдача, со следующим потоком через месяц.

– Ого, в армию не загремишь?

– Да не должен, вроде как. Прости, если тебе шпоры нужны, я попрошу вернуть, типа готовится надо и все такое.

– Не надо, забудь, не так уж важно.

Лёня понял, что раз ему попался этот вопрос, то ни у кого другого этого билета быть не могло, а следовательно, спрашивать, что было написано в шпорах бесполезно, эту шпору Мишка не читал. Но само событие было очень странным, словно ему сказали, что первым космонавтом был не Гагарин, а Титов. Вроде как близко и почти похоже на правду, но ведь он то знал, что это был Гагарин. На всякий случай надо будет проверить свои знания в википедии, мало ли, что еще окажется не так.

Глава 4

Аня бежала к метро, она опаздывала на танцы, очень задержалась в институте из-за этого дурацкого зачета по экономгеографии и теперь у нее было времени впритык. Стоит ей опоздать на поезд или попасть в очередь и все, она знала, что уже не успеет, и преподаватель будет очень этим недоволен. Добежала до метро и бегом по эскалатору вниз, сейчас главное только не споткнуться. Поезд, как вовремя, он только что пришел, надо запрыгнуть в любой вагон, есть. Теперь двигаемся ближе к первому вагону, выходя на каждой станции и заходя обратно в следующий вагон. А вот и моя станция, выходим сразу направо и поднимаемся, тут маленькие эскалаторы, поэтому бегом по эскалаторам, теперь налево на улицу.

Аня вышла на улицу и поняла, что несмотря на все свои расчеты она вышла не с той стороны, теперь придется сделать крюк чтобы добраться до нужного здания. Она бежала со всех ног, как же так то, как она могла так опростоволоситься? На углу горел красный, а перебежать дорогу в шесть полос это хуже русской рулетки, поэтому она стояла на переходе и ждала зеленого света. Она видела, как на противоположной стороне зазывно горела надпись “открыто” прямо в окне её танцевальной студии. И вот загорелся зеленый, бегом через дорогу и в двери.

– Девушка, вы куда?

– Простите, я опаздываю, у меня занятия, – кричала Аня, убегая по коридору.

– Какие занятия, постойте, вы куда?

Аня добежала до зала, дернула дверь и чуть было не влетела во внутрь. За дверями шла какая-то презентация, работал проектор, человек с указкой что-то рассказывал, но после столь шумного появления Аня перехватила все внимание на себя.

– Простите, я наверно ошиблась дверью.

Аня тихонько и медленно закрыла дверь.

– Девушка, что вы себе позволяете?! Это бизнес центр, а не проходной двор! – Шипящим громким шепотом ругали Аню, так говорят в театре после обучения в МХАТе.

– Я тут занималась танцами, простите, а студия что, переехала?

– Это дискуссионный центр, тут проводят презентации и различные мероприятия, никаких танцулек тут никогда не было!

– Но как это не было, я на прошлой неделе занималась, буквально четыре дня назад.

– Я вас не помню четыре дня назад и уверена вы меня тоже.

– Да, вас не было, тут вы правы, но во всем остальном ошибаетесь.

Аня медленно пошла на выход, быть может я ошиблась

этажом? Или даже зданием? Но ведь на улице была надпись “открыто” это явно была танцевальная студия, я же помню эту надпись изнутри, как она приклеена к стеклу. Аня вышла на улицу и шарила глазами по зданию, это было то же самое здание, в которое она ходит чуть больше года, но надписи нигде не было. Ей стало немного дурно, ведь она только что была тут. Она шла медленно по тротуару и достала телефон, ну ладно, надписи нет, но студия то должна быть. Она нашла номер руководителя и позвонила.

– Алло, простите, я опаздываю, я, кажется, заблудилась.

– Аня, ну как можно заблудиться, вы же не первый день занимаетесь.

– Да, мне очень жаль, и возможно это глупо звучит, но вы не подскажите мне адрес?

– Ты же шутишь, ты за год его не запомнила?

– Да я помню его, я пришла, а тут нет студии, поэтому я думаю, что я что-то спутала, поэтому и прошу мне помочь.

– Аня, мне некогда работать путеводителем, у меня занятия, хоть и без тебя, открой сайт, там есть и адрес, и карта как добраться, если уж ты внезапно все забыла.

– Да, простите, что отвлекла я наверно сегодня уже не успею

– Я уж и не сомневалась.

Аня открыла браузер и быстро нашла студию, в которой должна была заниматься уже больше года, адрес был другой, от слова совсем, судя по карте ей туда добираться минут со-

рок. Как такое могло произойти, это же совсем другой адрес, он даже не похож на тот какой был раньше. Она медленно брела по улице и обдумывала чем заняться в образовавшееся свободное время, по всему выходило, что делать ей особо нечего. Она решила написать своей подруге по институту: “Я тут в центре оказалась нечаянно, возле Никитской, порекомендуешь чего-нибудь интересного, чтобы время как-то занять?”, подруга не торопилась отвечать, и Аня поняла, что придется искать развлечение самой или отправляться домой. Ей совершенно не хотелось домой, неделя зачетов перед экзаменами давались с трудом, а последний зачет вымотал ее, хотелось проветрить мозги и ничего не делать, хотя бы ближайшиe полчаса. И тут же пришло сообщение: “Топай в Кофе-Бин, это должно быть там же, а я минут через пятнадцать туда подтянусь кофе попьем, в моем веки”.

Аня дошла до кофейни и окунулась в приятный полумрак. Бариста сразу поприветствовал её и спросил не хочет ли она попробовать их специальное предложение сегодня? На сегодня специальным предложением был френч пресс и несколько сортов кофе на выбор. Аня не была сильным знатоком кофе и поэтому согласилась, но предупредила, что не является поклонником этого напитка, так что ей надо что-то не столь изысканное, а просто вкусное.

– Если вы хотите что-то простое, но вкусное, то я могу порекомендовать бразильский или филиппинский кофе, что, по-вашему, будет лучше?

– Давайте бразильский, родители все детство мне говорили, что это лучший кофе, так что пора бы его и попробовать.

– На самом деле это самый рекламируемый кофе в советское время, и скорее всего вы его уже не один раз пробовали, просто не знали об этом.

– Вот и отлично, давайте закрепим память предков свежим вкусом.

Аня села за столик возле окна, так, чтобы видеть вход в кафе и заметить подругу, как только та появится. Интересно, что же это было, как я могла забыть адрес и эта надпись еще, может быть у меня болезнь какая-то, что-то с головой? Ну как, бывают же люди, которые буквы путают или которые забывают, как их звать, может быть мне надо к врачу? Блин, страшно то, как, а если меня в психушку положат?

Из этих безрадостных мыслей Аню и выдернула подруга.

– Привет, сто лет тебя не видела, рассказывай давай, что нового?

– Привет Наташ, за последние сто лет ничего особо не изменилось.

– Как муж, дети?

– Мы ж с тобой неделю назад виделись, ты чего? Какой нафиг муж и дети? – Аня на всякий случай посмотрела на руку и проверила нет ли там кольца.

– Нет ну а че, не могло быть, скажешь? Могло, вот я и интересуюсь, вдруг я чего пропустила.

– Судя по всему это я последнее время что-то пропусти-

ла, – сказала Аня, думая с чего бы начать разговор.

– Ну вот и отлично, а мы с Димкой расстались.

– С каким еще Димкой?

– Да, это не важно, с никаким Димкой мы расстались, вот.

– С никаким – это ты хорошо придумала, скажи, Нат, а у тебя бывало так, что ты вот вроде должна помнить, а не помнишь?

– Пфф, тысячу раз! Последний новый год я вообще не помню, помню только как под куранты шампанским чокались, а говорят, что спать я пошла в пять! А я ничего не помню, кстати Костя подозрительно сильно ко мне подкатывал после того нового года и я вот думаю а оно мне надо помнить все или ну его, ну понимаешь, мало ли, что там у меня с этим Костиком было, а он же дрищ, ну ты видела его, этот, в очках таких ужасных бабушкиных. Представляешь, ему кто-то сказал, что это винтажно и что все хипстеры так ходят, а то, что хипстеры – это субкультура гениальных творцов и миллиардеров, ему сказать забыли, вот он и носит роговую оправу и вытянутый свитер, а сам ни рисовать, ни петь ни программист, короче тьюфяк. Но после того нового года он мне цветы дарил! Цветы, кстати классные были, розы вооот такой длины, представляешь! Я с ними фоткалась в инсте, помнишь? Он еще звал гулять, но куда я пойду с таким гулять? В зоопарк? В музей Дарвина? В общем я не согласная, я гласная, мне нужна свобода, стремление, порывы, понимаешь? А он же как якорь! Бам и все и сиди дома, тупи в те-

левизор: “сериал наш лучший друг”, – Наташа выпалила все это на одном дыхании в течение нескольких секунд, заполнив атмосферу вокруг себя и во всем кафе собой, не оставляя шанса вставить хоть слово.

– Наташа! Остановись! – Аня вспомнила, почему они так редко встречаются.

– Простите, я позволю себе воспользоваться паузой в вашем монологе и осмелюсь спросить, что вы будете заказывать? – Официант явно боялся, что этот момент не наступит никогда и он так и простоит все время у столика до самой смерти.

– Я? Я буду кофе, я не разбираюсь, мне что-то вкусное, но не такое вот черное, мне с молоком. У вас же есть вкусный кофе с молоком?

– Конечно, есть замечательный латте и капучино.

– Вот давайте его.

– Простите латте или капучино?

– Ну какой там вкуснее, тот и давайте.

– Латте пожалуйста с ванильным сиропом, – вмешалась Аня, подозревая, что этот разговор может затянуться на долго.

– Спасибо большое, кажется, вы меня спасли. – Официант искренне обрадовался вмешательству и разрешению спора, и ушел передавать заказ.

– Наташа, погоди, давай для разнообразия я расскажу, а ты мне потом что-то посоветуешь, идет?

– Ой, ну как скажешь, рассказывай.

Наташа пристально смотрела в глаза Ане и стало как-то невероятно тихо, все вокруг буквально замерло, Аня даже подумала, может быть не стоит ничего говорить, вот так в тишине немного посидеть? Но терпения у подруги, к сожалению, надолго не хватит и надо заполнить паузу своим голосом, пока это не сделала она.

– Наташа, ты же знаешь, что я занимаюсь танцами?

– Ой, конечно, знаю, кстати у тебя такая растяжка, обалдеть просто! Я тоже так хочу, но как-то попробовала тянутся и поняла, что это вот прям не мое, ну деревянная я, понимаешь? Хочется, чтобы прям вот так раз и все уже есть. А ты долго тянулась, чтобы вот так легко ногой над головой стену доставать?

– Нат! Помнишь? Я говорю, а ты потом советуешь?

– Так я думала ты все, рассказала, ты спросила же.

– Что спросила?

– Ну ты спросила помню я или нет, я и сказала, что да, мол – помню и растяжку твою похвалила, а ты прям...

– Стооооой! Ната, ты помнишь, это хорошо. Давай идти маленькими шажками, окей?

– Ой, ты прям как мой препод сейчас говоришь, я сейчас с ним отдельно занимаюсь, ну как занимаюсь – репетитор, понимаешь? Он мне помогает по психологии подготовиться к зачету. Ну так вот, я не сказала бы, что он прям такой симпатичный, он старый какой-то, хотя может кому-то так нра-

вится, я не знаю, в общем мы с ним просто занимаемся, так вот он тоже всегда говорит: “Вот лить воду тебя учить не надо, давай будем учить только факты”, а я что ж против? Мне и надо только факты выучить, остальное то я и сама могу, язык то подвешен нормально.

– Ната, стой! – Аня подумала, что язык не просто подвешен, но и слабо контролируется, однако говорить этого вслух не стала.

– Ой ну ладно, ладно, рассказывай. – Наталья картинно закрыла пальцами рот словно на замок.

– Так вот... Я занимаюсь танцами и представляешь, сегодня я еду, как всегда, в то самое место, на нашу студию и когда приезжаю оказывается, что студии там нет!

– Что? Вашу студию закрыли? А, все, молчу-молчу. – Сказала Ната и еще раз провела пальцами по губам.

– Нет не закрыли, но! Там, куда я приехала студии не было, понимаешь? Я приезжаю, врываюсь в студию, а там какая-то конференция! Вместо нашей танцевальной студии. Сидят взрослые дядьки и что-то там обсуждают.

– Вот это номер! А студия?

– А нет ее! Совсем нет, даже надпись “Открыто” исчезла.

– Какая надпись? А... Про студию, поняла. Слушай, ну может они переехали, может они писали или на сайте там рассылку делали? Ты же почту свою раз в год проверяешь, ты же могла пропустить.

– Да никуда они не переехали.

– Я тебя не понимаю, так они там есть?

– Нет, они в другом месте, но они не переезжали.

– То есть как это? – Наташа выглядела искренне растерянной, сейчас в её голове две противоположные фразы боролись за выживание.

– Они там и были, представляешь себе?!

– Но как тогда ты ходила не туда?

– Вот я и сама не знаю, как это, по всему выходит, что я как-то забыла куда именно я ходила.

– Ой, слушай, а может тебя инопланетяне похитили? Ну забрали тебя, а потом что бы ты ничего не рассказала память тебе стерли, ну и нечаянно это тоже стерли? Или эти, люди в черном “пшик” такой штукой в глаза и все. Или может быть у тебя амнезия? Знаешь, бывает такое, из-за стресса там или ударил кто по голове и раз – память отшибло и не помнишь, как тебя зовут. Тебя по голове не били?

– Никто меня не бил, и никакие инопланетяне меня не забирали, успокойся. Вообще все, что со мной приключилось в последнее время это я сдала зачет в институте, в остальном унылое постоянство.

– Вот, точно! А может быть это у тебя переутомление? Вот знаешь, как у меня было как-то, я тогда встречалась с Антохой, ну помнишь, кудрявый такой, веселый, еще вечно пиво пил темное, и говорил, что светлое это не пиво, а моча молодого поросенка. Так вот я значит с ним встречалась, и он вдруг пропал, день не звонит, два нет новостей, ну я что,

я же девушка приличная, жду. На третий день я думаю: “что же мне всю жизнь ждать, что ли?” – в общем звоню ему сама, но не так просто, а с другого телефона, и как ни в чем не бывало такая: “привет, как дела”, а сама думаю ну давай зараза, скажи мне кто тебе звонит обычно, а эта скотина, представляешь: “Привет, а ты кто?”, представляешь? Я тут как дура переживаю, а он даже не узнает меня по голосу, это же надо такое! Ну я думаю: “Ладно, я так просто не сдамся!” – и говорю: “А ты угадай?”, а он такой, представляешь: “Натаха, ты что ли?” – нет ну прикинь, у него никого не было, эта зараза тупо мне не звонил! Вот бывают же такие!

– А при чем тут это?

– Ну как это при чем? Знаешь какой у меня тогда стресс был, он оказывается забухал с какими-то там друзьями из Сибири или черт его знает откуда они приехали, так вот он забухал и забыл про меня, прикинь! Он потом мне рассказывал, что как будто в другой мир попал, где были друзья, ящик водки и им было все пофиг, и так по кругу три дня. И когда я позвонила он реально не сразу понял кто я такая. Ну я ему, конечно, потом мозг то прополоскала, но какой стресс! Вот я и думаю, может у тебя тоже стресс, и ты забыла просто? Из-за этого, зачета, переволновалась и “щелк” что-то в мозгу а?

– Наташа, погоди, беспробудно бухал твой парень, при чем тут стресс?

– Бывший, не называй его парнем, он бывший, ну так вот

стресс же был у меня.

– Так ты вроде ничего не забыла не путала.

– А, ну да, что-то я не подумала, плохой пример, но все равно! Слушай, а может быть у твоей студии два здания? Ты всегда в одно ходила, а они такие “хопа” и теперь в другом, а тебе сказать забыли.

– Не похоже, я когда преподу позвонила, она удивилась, что я не туда приехала, говорит, что я каждый раз правильно приезжала, а тут вдруг как-то забыла.

– Ну блин не знаю тогда, а может тебе и правда голову проверить? Я не нагнетаю, но я тут недавно сериал смотрела про врачей, так вот там, когда опухоль в мозгу образуется, ты не подумай, это необязательно рак или что-то такое, просто опухоль. Так вот она образуется и давит там куда-то, ну на мозг давит, и он от этого неправильно работает, там кто-то слова путать начинал, кто-то забывал все подряд. Это лечится, там они просто делали МРТ или что-то такое, потом делали операцию, удаляли эту штуку и “оба” все выздоравливали.

– Ната, это же просто кино, у них там все выздоравливают. Да и куда я пойду МРТ сдавать?

– Ну, у меня нет знакомых врачей, тут я тебе ничего не подскажу, хотя я как-то встречалась с одним из меда, слушай они такие прикольные, чувство юмора только у них странное, но зато они очень много знают про тело и такие вещи рассказывали. Вот ты представляешь, мы оказывается вкус

на самом деле не чувствуем, ну то есть чувствуем, но только чуть-чуть, а все остальное это запахи прикинь!

– Ната, это детям еще в школе рассказывают. Ты скажи, то есть ты тоже думаешь, что у меня это что-то с головой не нормально, да?

– Ты знаешь, вот если бы я вот так пришла и поняла, что не туда пришла это было бы очень даже нормально, я как-то так на первом курсе пошла в библиотеку в универе, поднимаюсь на лифте на последний этаж, иду в библиотеку, а оказывается это деканат, меня тогда чуть не выперли, а я еще такая захожу и говорю: “Где у вас тут книги сдать можно?” – представляешь? Хорошо, что там секретарша была, а не сам декан, но она тоже, знаешь ли, молодец, как давай кричать сразу: “Что вы себе позволяете?” – вредная такая, до сих пор как вспомню ее, так прям волосы ей выдернуть хочется.

– Ната, но тут другое, понимаешь? Я когда на перекрестке стояла я видела табличку “Открыто”, а я точно помню эту надпись, она в студии прямо к окну приклеена скотчем. А когда я ворвалась её не было, а потом я вышла, а её снаружи тоже нет.

– Может ты этаж перепутала? Или может это не ваша надпись была? Слушай, ну мало ли кто какую надпись в окно выставит? погоди, а когда ты входила надпись точно была?

– Да я что помню, что ли? Я же опаздывала, еще из метро не туда вышла и потом пришлось крюк делать, в общем у меня времени уже не было рассматривать надписи.

– Как это ты вышла не с той стороны, ты же говоришь, что всегда туда ездила? А! Я, кажется, поняла, ты просто ошиблась станцией метро, а потом твое подсознание решило тебя блокировать, и ты доделывала программу до конца, чтобы не впасть в панику! И вот в самом конце своей программы ты понимаешь, что ты все же не туда пришла, твоему подсознанию некуда деваться и оно просто стирает все, нет не так, оно блокирует все, чтобы ты не сошла с ума!

– Тебе не кажется, что именно это и происходит сейчас и что я сошла с ума? Ладно, в общем я поняла, что пока лучше не паниковать иначе врачи скрутят меня и посадят в психушку.

– И чего ты будешь делать?

– Не знаю я, как тебе кофе?

– Кофе? Нормально, слушай я вот знаешь, что подумала, а может тебе не надо переживать? Ну а чего такого, это же просто первый раз, да? Вот знаешь, у меня как-то было, я один раз на вечеринке, ну это еще на первом курсе было, так вот мы были на вечеринке и сидели такие, болтали и тут Юлька такая поворачивается ко мне и целует! Представляешь, я сначала не поняла и прямо на рефлексах поцеловалась с ней, нет ну а че, губы и губы, короче мы с ней сидели на этой вечеринке и целовались. Вот, а потом все, даже не встречались больше. В общем я думаю это вот примерно так же, типа было и было, чего переживать. Однажды может случиться все, что угодно. Вот если повторятся будет, то это уже клиника.

– И что тогда? Врачи и психушка?

– Ой, я не знаю, вот как будет, так спросишь. Ну или уже не спросишь, а сама решишь, что делать.

Аня смотрела на свою подругу и думала, как наверно хорошо, вот так спокойно воспринимать мир, упал метеорит – хорошо, что не в меня. Что происходит в её голове непонятно, но наверно так жить намного проще. Не уверена я, что хотела бы так жить, впрочем, не уверена, что смогла бы. А ведь когда-то они были лучшими подругами, они болтали часами по телефону и на вечеринках общались больше друг с другом чем с другими. Что случилось с ней потом, а может быть это случилось не с ней, а со мной? Понятное дело, что мир меняется, что люди взрослеют и даже стареют и тоже меняются, но почему иногда так бывает, что не видишь человека несколько лет и он меняется просто до неузнаваемости. Наташка менялась на глазах, каждую встречу она потихоньку становилась другой, но всегда в одну и ту же сторону, возможно, когда-нибудь она станет совсем другой, видимо так и теряют друзей. С другой стороны, люди все меняются во время жизни, кто-то читает книги, становится умнее и становятся ближе к одним чем к другим. А некоторые делают себе пухлые губки, силиконовую грудь и качают попу, в этом нет ничего плохого, просто они удаляются от одних и приближаются к другим, это просто как переход из одной компании в другую, как перемещение между слоями воздуха, когда летишь на воздушном шаре.

Они допили кофе и разошлись по домам, Аня поехала к себе, еще раз глянула на то самое здание в котором были её танцы и с сожалением подумала, что с танцами, видимо, придется завязывать, ну или искать другую студию, которая не скачет с места на место.

Глава 5

Леониду не давала покоя эта глупая ситуация на экзамене, он даже сходил в библиотеку и нашел древний учебник с желтыми страницами который отправили в печать еще в прошлом веке, но и там было распределение Больцмана. Странно это все, подумал Лёня, но возможно я перегрузил мозг, и он решил мне отомстить? Больше никаких явных перекосов в знаниях он не обнаружил. Он даже пробежался по квантовой механике, в надежде, что уж теперь то точно поймет, что к чему, но нет, гранит науки оказался по-прежнему тверд и крепок. Сессия была уже почти вся позади и оставались только отголоски отдельных экзаменов, зачетка уже выглядела вполне полной и стоило начать думать о лете. Как бы студенты не учились, а лето их уравнивало в шансах, летом двоечник мог добиться большего чем отличник, потому что отличник копал грядки под картошку, а двоечник устроился работать в какую-нибудь компанию. И не факт, что в будущем больше поможет, приобретенный опыт работы или несколько килограммов картошки.

Леонид не славился огромным кругом общения, однако друзья у него были, и они часто проводили время вместе, в походах, в вылазках на озеро или даже просто в домашних посиделках играя в настольные игры или в какого-нибудь крокодила. Ему нравилась его компания, он чувствовал

себя уютно от того, что не надо было обсуждать физику или решать уравнения, достаточно было просто быть собой и общаться наравне со всеми. Его друзья выбрали разные институты, Дима пошел в юристы, и, хотя не любил бумажную волокиту стал очень хорошо разбираться в законах. Он всегда говорил: “Незнание закона не освобождает от ответственности, а вот знание закона иногда может” – он хотел стать адвокатом, считая, что только так можно по-настоящему хорошо заработать денег. Сам Леонид считал, что быстрый заработок, каким бы он ни был, всегда несет с собой высокие риски, это может быть выигрыш и проигрыш на биржевых ставках, а могут быть адвокатские услуги людям которые не очень любят оставлять свидетелей надолго. Егор пошел в экономисты, но ему не очень везло на этом поприще, оказалось, что в экономике больше всего математики, а с этим у Егора как-то не задалось. Зато задалось с родителями и математика уже мало что решала, так как после института он прямиком отправится к своему папе в компанию, где его ждет быстрый и стремительный рост до какой-нибудь уютной и высокой должности. Он всегда говорил, что лучше давать работу, чем искать ее, в принципе он был абсолютно прав, но обычно это говорили люди, которые придумали что-то свое и могли себе позволить нанимать других.

Подруги были у всех, кроме Паши, ему катастрофически не везло на девушек. Точнее он себе выбирал девушек по внешним параметрам и иногда гибкости, а потом жаловал-

ся на непроходимую тупость или на невозможность приготовить завтрак. У него весь цикл знакомства делился на два этапа. На первом этапе его не интересовало ничего кроме внешности, он всегда говорил: “Встречать надо по одежке, а лучше без нее” – само собой он мог влюбиться по фотографии или познакомиться, просто увидев длинные ноги. В этот момент начинался период ухаживания, он дарил огромные букеты цветов, заказывал песни на радио, приглашал скрипачей в ресторан которые внезапно начинали играть её любимую песню. В общем он делал все, что по всем стандартам расценивается как “романтика”. Это он был тем человеком, который мог привязать к ручке двери букет в два часа ночи, это он мог приехать в институт к любимой на белом лимузине в годовщину знакомства, обычно это была неделя или максимум месяц. Лучшее всего это время описывала фраза: “Всем шампанского!” – впрочем он и такое делал, за что потом все друзья дружно скинулись, а он отдавал долг несколько месяцев. Но это было всегда красиво и частенько глупо. А потом наступал второй этап, когда ему вдруг утром захотелось поесть или когда он понимал, что с накрашенными глазами по утрам не просыпаются, иногда он понимал, что девушкам надо обновлять не только прошивку в телефоне, но и сам телефон и делать это надо не тогда, когда он сломался или потерялся, а когда вышел новый. Его это сильно расстраивало, птички в душе переставали петь, бабочки в животе откладывали личинки и умирали. Второй этап длился

очень недолго, иногда они успевали начать жить вместе, насколько помнил Леонид рекорд был целых три дня вместе, с пятницы вечера до утра понедельника. Но пока Пашу все устраивало, он не собирался ничего менять в своей жизни.

В тот день они собирались отправиться на озеро и решили собраться во дворе дома Егора, его родители отправились на море и дом был полностью в его распоряжении. Дом был хороший, но Егор так сильно переживал за газон, что его вытопчут, за диван на который нельзя было ничего пролить так как это была алькантара и он стоил каких-то фантастических денег, за кафель который был испанский или итальянский и почти ручной работы. В общем в доме нельзя было трогать ничего, как в музее. Леонид как-то зашел помыть руки, и Егор с ужасом бегал по дому и просил больше никого не делать так, потому что в раковине могут остаться разводы от воды. Зачем нужна раковина, в которой остаются разводы от воды? Зачем тогда вообще нужна раковина? Первым приехал Павел, он сейчас не был обременен второй половиной и был легок на подъем, впрочем могло оказаться, что он просто не стал её брать с собой, чтобы она не помешала его охоте там, на озере. Друзья собирались в “Серебряный бор” – это было недалеко от города и достаточно удобное место, цены по студенческим меркам кусались, однако это не мешало им там собираться в эконом варианте, при котором они все, что надо было брали с собой, а оплачивали только место проведения сбора.

– Паш, привет, – сказал Лёня, заходя в ворота и придерживая двери для Светы.

– Ленька! Привет, ты говорят все сдал почти, то есть ты уже почти физик у нас?

– Это пока теоретически, я же теоретик, помнишь?

– Да, как Шелдон, Свет, привет!

– Привет Паша, ты сразу скажи, с кем ты сегодня? А то я постоянно путаюсь в твоих бабах...

– Они не бабы, они утонченные натуры, некоторые даже слишком.

– Да, да, про утонченность я ничего не говорю, так как её сегодня звать, твою натуру?

– Я пока не знаю, позже разберемся.

– Ты взял с собой девушку, даже имя не спросил или ты просто сам забыл?

– Нет, я просто не взял с собой девушку, не вижу смысла в Тулу со своим самоваром, понимаешь.

– Понятно, а с Катей что?

– Ничего, расстались.

– А она сосиски ему приготовила, да? – Влез в разговор Егор, подходя к Леониду и забирая у него сумки, чтобы переложить в машину.

– И что не так было с сосисками? – Стало интересно Леониду, потому что он с трудом мог представить, как можно испортить это блюдо.

– Расскажешь, Паш? Или я сам?

– Да чего рассказывать? Сидим мы дома, я ей и говорю: “А свари сосисок, что-то есть хочется” – нет, ну правда, я же не просил штрудель или карбонару приготовить? Простенький тест на выживание, так сказать.

– Ну и? Отказалась? Сказала, что не нанималась?

– В том-то и дело, что не отказалась, пошла на кухню, достала кастрюлю, плюс пять баллов, налила воду, еще пятерка, достала сосиски из холодильника и даже сняла с них обертку, что, впрочем, было опцией, но ладно. И бросила их в кипящую воду.

– Пока все правильно, если тебе вкус не понравился, так может это не она, а сосиски были такие?

– Нет, я пошел читать билеты, все же сессия вдруг чувствую, что я все еще есть хочу, а она телевизор смотрит, я поворачиваюсь и говорю: “Что там с сосисками то?” – а она такая: “Как что, варятся, они же из мяса, их еще час варить, не меньше”.

– Вот это тебе повезло! Может она вегетарианка? – Спросил Леонид. – В смысле, может она не знает, что такое сосиски и как их едят?

– Да нет, мы же с ней бургеры оба лопали в маке, я бы знал такое. В общем захожу я на кухню, сосисок больше нет, а в кастрюле плавает равномерная такая каша розового цвета. Ну я попробовал её ложкой выловить – дрянь редкостная. Вот так и расстались.

– Че, прям вот так?

– Ну да, я сказал, что мне готовится надо, а она сильно отвлекает, она обиделась и ушла.

– Бедняжка, – пожалела неизвестно кого больше Света.

– Да ничего, нормально, другого найдет.

– Ну да, менее требовательного.

Вещи были погружены, Света пошла болтать с Людмилой – девушкой Егора, а ребята остались возле машины. Егор достал пиво и они, не торопясь дожидались Димку, последнего опоздуну который всегда опаздывал.

– Егор, тебе же за руль?

– Да это безалкогольное, нормально все, я специально себе ящик такого взял, чтобы не выбиваться из компании.

– Лёнь, вот ты скажи, тебе физика эта твоя правда так нравится? Всякие эти формулы, интегралы, преобразования, матрицы?

– Нравится, а чего нет то?

– А то, что денег в профессии этой кот наплакал. Ты думал куда ты потом?

– Не знаю, в лабораторию какую-нибудь, наверно, или аспирантура, и потом преподом, я пока не решил.

– Понятно, ну ты если что не теряйся, я вот сейчас закончу и тебя к себе на работу возьму. – Паша был уверен, что он будет миллионером как минимум, а скорее даже миллиардером, как он собирался этого добиться, будучи психологом непонятно, но это его не волновало.

– Слушай, вот ты как художник художнику, скажи мне,

бывает такое, что память не то дает, что ты в нее закладываешь? – Бросил пробный шар Леонид, не надеясь разгадать загадку в лоб.

– Ну да, бывает, особенно если это было давно. У нас память вообще странно устроена, про что тебе больше говорят, то ты и помнишь.

– А вот смотри, я допустим знаю одно, рассказываю это на экзамене и тут оказывается, что это не так, я бегу проверяю во всех источниках и оказывается, что это и правда не так. Такое может быть?

– Ты перед экзаменом как готовился?

– Как все, читал, а что такого?

– Медикаментозные средства использовал? Я имею в виду там Аддералл или кислоту не использовал? А то всякие эффекты могут быть, там кроме хорошей памяти всякая побочка бывает.

– Ничего я не глотал, я просто учил, даже кофе не заливал, зубрить не надо было, надо было просто прочитать и все.

– А что случилось то? – Вмешался в разговор Егор.

– Да понимаешь, есть такой ученый, Больцман, он астроном, точнее, я думал, что он астроном, математик и физик. Так вот, он придумал некое распределение, и я про него рассказал. Но я был уверен, что это Гаусс! При этом у Гаусса тоже есть распределение, но там другое. Короче у меня в голове как-то перепутались эти два ученых, причем полностью. Я и работы их перепутал и профессии, короче, как будто про-

сто взяли и ярлычки поменяли в голове.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.